

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПОЛЕНО

РОЗОВЫЙ горизонт, голубая вода, мощный торс, изысканный став, вот мы плывем уже в небе Китая с его перебитыми воробьями и неуспокоенным солнцем. Бог вест, что дарит нам свободу! Не театральная же бурса помогает воплотить природу свою в формах острого искусства...

Когда два месяца назад я написал в «Литературке» об «открыто гомосексуальной эстетике» искусства Романа Виктюка. Многие восприняли это как жесточайшую критику. Спешу развеять заблуждение. Гомосексуальное, по мне, не хуже реалистического, абстракционистского, концептуального, модернистского, примитивизма, болшевиизма, капитализма плюс электрификация всей страны. Здорового мужчину, конечно, раздражает, и можно спорить, кого и как оплодотворять, лишь презрение не плодотворно.

Помню слаженный хор славословий виктюковским «Урокам музыки», когда он одним из первых привел на сцену «чернуху» советского замороченного быта. Как поверили в искренность всего этого мои милые шестидесятники! Как не замечали страстного желания — впечатлеть изуродованных бы-

Дорогие мои мальчишки

том женщина на фоне томящей красоты пустого артельного зала. Мастерские, органические спектакли Виктюка оставались для меня совершенной загадкой. Их умелого автора, казалось, ничего не беспокоило. Я был тогда уверен, что если этот человек сожмет в руке запотевшую бутылку пива, то на ней не останется отпечатков пальцев; засматывает по снежному насту — не оставит на нем следов.

Тема жила подпольно. У нее была сильная основа, а в основе разговор, страсть, соратничество. «Уроки» стали ее прикрытием, искусной мистификацией. Во второй половине 80-х вулкан заработал. Кокто в Квебе, «Служанья», «Мелкий бес», «Федра»... долго сдерживаемая лава вынесла про-

тест против привычки к подполью. Режиссер хлестал по щекам смущенную критику, бросал дерзкий интеллектуальный вызов, а в ответ ему мямлили что-то относительно прогрессивности драматургии Жаана Жаана.

Эти годы открыли плюсы для двух прежде запретных тем: иудейской и гомосексуальной. Гуманистические мотивы искусства, отстаивавшие духовное достоинство богоизбранного народа и сексуальных меньшинств, вернулись к нам свозом века.

«Да разве у него нет глаз. Разве у него нет рук, органов, членов, чувств, привязанностей, страстей? Разве он не ест ту же пищу?.. Лечится не теми же средствами? Согревается и знобится не тем же летом и не той же зимой?.. Когда вы нас щекочете, разве мы не смеемся? Когда вы нас отравляете, разве мы не умираем, а когда вы нас оскорбляете, разве мы не должны мстить вам?» (Шекспир, «Венецианский купец»).

Темы эти никак не связаны, порхающий не значит «порхатый», а Ольга Шведова — художественный руководитель антрепризы «Рога-театр» — вовсе не художественный руководитель вкусов режиссера Виктюка, чьим спектаклем «M. BITTERFLY» по пьесе Дэвида Гейри Хуана открыла свое предприятие. Создав эффектный, красочный, очень дорогой спектакль, чей финансовый успех несложно предвидеть, собрав на премьеру «всю Москву», она свою задачу выполнила на «отлично».

Балетмейстер Феликс Иванов (новое имя!) и трое его экспрессивно танцующих парней; красочные ланто с розовым горизонтом, голубой водой, цветами; полудрагоценные костюмы; своеобразный вокальный талант исполнителя заглавной роли — Эрика Курмангалиева; коммерческая продуманность пьесы о китаяйском разведчике-актере, удачно притворяющемся женщиной в постели французского дипломата, тем не менее не преодолевают вялость, механистичность сценического действия и удручающую беспомощность (вплоть до забывания текста) других исполнителей.

Постановка «Рога-театра» свидетельствует о переходе режиссера от несколько насильственного освоения текстов Сологуба и Расина под сень более органичной ему литературы. Действительно, карикатурные женские фигуры с подвешенными дойными персами на сцене «Современника» она звалились невыносимыми, скорее, для Сологуба, чем для зрителей. Обнаженные господа, ласкающие фаллические детали конструкции художника Коженковой все-таки нашли себе эстетическое убежище в пьесе мистера Хуана.

В этой скучноватой постановке ни на грош нет особого юмора и обаятельного украинского сентиментализма режиссера Виктюка. Пришла пора идти ему под сень литературы Уайльда, сценариев Висконти, ориентального мира. Пусть возникнет театр «Аполлон» или еще какой-то, где в пьесах не будет конспиративным никакой член, даже член Компартии Китая.

«Надеюсь видеть Вас на нашем празднике в вечерних туалетах», — попросила Шведова в приглашении на презентацию. Рядовые гости, не предусмотревшие котелки-фраки для дам и киноно для мужчин, чувствовали себя несколько неловко, во не в том дело.

Дело антрепренера, проявляя божественную интуицию, соединять пьесу режиссера, исполнителей в чудотворный невиданный сплав. А что за фокус дать Виктюку виктюковское? Задача ли для нового дела? Стоило ли себе в крайней мере уберечь его от присущего греха декоративности, красоты красивого театра.

Будь здоров, школяр! Будь здоров, новый театр!

Но, до свидания, мальчишки.

Владимир ОРЕНОВ.